

Александр Пар¹

РОССИЯ — ЕВРОПА, НО НЕ ЗАПАД

На Западе отказываются понимать, что среднестатистический россиянин чувствует себя в путинском государстве действительно защищенным. Чтобы вспомнить времена, когда в России дела обстояли еще лучше, надо обратиться к давней истории. Большинство россиян приняло государственный капитализм как экономическую модель развития страны. То, что контроль над полезными ископаемыми отобрали у олигархов и передали в руки государственной власти, также получило одобрение общества. Запад не понял того, что Путин вернул многим русским чувство собственного достоинства. Россию снова стали уважать, а не жалеть, как нищенку. Различие между русским и западным европейцем, как написал один блогер, заключается в том, что у любого жителя Западной Европы на первом месте стоит его благополучие, а у русского — гордость за свою Родину.

«Россия такая, какая она есть», — поучал президент Дмитрий Медведев Запад в Давосе, не позволяя, однако, другим поучать себя. Ответ Запада: «Если Россия считает себя частью Европы, то она должна соблюдать европейские правила игры». Новый имидж европейцев основывается не на географии, как в прошлые века, а на гуманистических и правовых ценностях, таких как демократия, социальная рыночная экономика, принцип правового государства, плюрализм, защита прав меньшинств, свобода вероисповедания и свобода слова. Эти ценности завоевывались европейскими нациями в течение столетий. Они — составная часть *Acquis communautaire* и для европейского гражданина означают гораздо больше, чем владение территорией.

Россия чувствует дискриминацию по отношению к себе, так как Запад идеологически оккупировал европейский континент своими ценностями. После краха коммунизма Россия была вынуждена создавать свою идентичность заново. Так как были утрачены воспоминания об историческом периоде до 1917 года, поиск идентичности привел Россию к ее византийскому наследию. Западная Европа, по русскому толкованию, живет ценностями римской правовой культуры, а Россия, как отпрыск исчезнувшей в 1453 году Византийской империи, имеет другие европейские корни. На Западе во главу угла ставится буква закона, а в России на первом месте стоит справедливость (субъективно воспринимаемая). Когда закон не давал ясности, принимал решения не суд, а справедливый царь.

Западный демократ сегодня не может себе представить недемократическую Россию в роли союзницы За-

пада. Западная политология ощущает себя исключительно как наука о демократии. Это также результат победы Запада в холодной войне. Раньше исследователи Востока должны были изучать внутреннюю жизнь России, чтобы дать необходимые политические рекомендации. Тогда весь мир смотрел на Россию, которая, в конечном счете, контролировала половину Европы. После распада Советского Союза Восток стал неинтересен, исчезла угроза, а с ней и необходимость заниматься этой страной. В 1990-х у Запада был интерес к преобразованиям в Восточной Европе. Но по мере их замедления появилось нечто вроде усталости от России.

Современная наука о демократии оценивает Россию исключительно с собственной, западной точки зрения. По этому принципу действуют многие субъекты европейского ценностного порядка, а также представители гражданского общества — неправительственные организации (НПО). Под ними подразумеваются не “Greenpeace”, “Amnesty International”, «Хлеб для мира» или «Красный Крест», которые пытаются сделать мир более гуманным, а американские и немецкие фонды и «фабрики мысли», чье влияние на вопросы внешней политики нельзя недооценивать.

Рост влияния НПО на западную внешнюю политику порождает одну проблему. Европейская внешняя политика со времен холодной войны имеет ценностные ориентиры; распространение этих ценностей укрепляет мир и благополучие также вне Европы. В течение последних лет западная ценностная политика приняла псевдовоенствующий характер. Американский сенатор Джон Маккейн заявил на мюнхенской конференции по безопасности, что ориентированная на ценности внешняя политика — это не миссионерская деятельность, а составная часть политики безопасности. Европейский комиссар по вопросам расширения ЕС Фуле считает, что ЕС в будущем направит свою партнерскую политику напрямую на обычных людей в партнерских странах и не будет больше работать с представителями власти.

Молодежь Восточной Европы и арабских государств уже не устраивает только виртуальная свобода в Интернете, она хочет получить ее в реальной жизни. По мнению Запада, права человека — универсальное достояние. Тому, кто их нарушит и будет попирает гуманистические принципы, грозят санкции и суровое наказание. Именно для этого и были основаны неправительственные организации, чтобы донести до других сообществ преимущества либеральной модели. В странах, переходящих к демократическому строю, активисты НПО предстают такими фундаменталистами в доспехах старинных рыцарей-крестоносцев (по выражению Путина). Вместо креста и меча они воюют против зла с помощью современного оружия свободного информационного общества — *Facebook* и *Twitter*. В XX веке Советский Союз пытался перенести коммунистическую революцию на другие континенты. В Северной Корее, Вьетнаме, на Кубе, в Ни-

¹ Директор Центра им. Бертольда Бейца при Германском совете по внешней политике (DGAP), журналист, политолог, почетный профессор МГИМО и Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Автор биографий В. В. Путина («Владимир Путин: “немец” в Кремле»), М. С. Горбачева (“Gorbatschow — der neue Mann”), книг «Россия жмет на газ» и «Путин после Путина. Капиталистическая Россия на пороге нового мирового порядка», «Куда пойдет Путин? Россия между Китаем и Европой». Член Совета директоров Yalta European Strategy (YES), член Валдайского клуба. За вклад в развитие немецко-российских отношений награжден крестом «За заслуги перед ФРГ» (высшая награда страны).

карагуа и Анголе социалистическая революция одержала победу. В XXI столетии революции экспортирует Запад — это он теперь поощряет демократические революции в мире. Во времена холодной войны международное движение за мир было направлено против США, считавшихся империалистическим государством. Советский Союз притягивал симпатии левых движений. И вот через 20 лет защитником демократии вдруг предстает Америка, а бывшие непримиримые пацифисты, немецкие «зеленые», требуют проведения военных операций против диктаторов. Авторитарная Россия заклеена позором как страна, где нарушаются права человека.

Репутация России в международной прессе основательно испорчена. В отношении нее Запад не испытывает никаких положительных эмоций. Малочисленные позитивные репортажи теряются в потоке медийной информации и мало до кого доходят, так как никого не интересуют и противоречат общему представлению западных читателей о России. В Германии люди ожидают от СМИ не только объективной подачи информации, но и нравственной позиции. Так как политическая и общественная жизнь России часто не соответствует западным стандартам, журналисты открыто возмущаются, размахивая дубинкой морали. Внешняя политика является частью нашей развлекательной индустрии, постоянно требующей новых впечатлений. В освещении России западная пресса поймана в паутину противоречивых стереотипов: с одной стороны, злое государство, лишшающее своих граждан свободы, с другой — сибирские просторы и вызывающие жалость бабуски в деревянных избушках.

Хотя Россия больше не вызывает у широкой немецкой общественности такого интереса, как раньше, ясной целью ЕС и представителей его гражданского общества на годы вперед останется стремление привить этой стране демократические ценности, перенести на нее западную либеральную модель. Европейцы убеждены, что распространение демократии на ближайших соседей служит целям их собственной защиты. Считается, что демократические системы не воюют между собой. В отличие от Китая, Россия считается частью европейского континента, поэтому в вопросах демократии Запад требует от Москвы гораздо большего, чем от Пекина. Перенос ценностей, однако, не должен переродиться в политику двойных стандартов, так как и на Западе существует политический цинизм, признающий эти ценности лишь до тех пор, пока они не противоречат чьим-либо интересам, или скрывающий под благопристойным обличьем продвижение собственных интересов.

Советский Союз практиковал политику двойных стандартов *par excellence*. Двуличие советских дипломатов стало притчей во языцех. Что было позволено одному, было запрещено другому — решающим было то, на чьей стороне право на толкование и реальная сила. Сегодня Запад относится к России с высокомерием. У него лучшая система ценностей и он может гарантировать своим гражданам более комфортную и достойную жизнь. Запад презирает Россию, потому что она одной ногой увязла в социализме, а другой — в таком же неприемлемом «диком» капитализме.

Запад забыл, насколько тернистым был его собственный путь к демократии и как невообразимо трудно дался России тройной переход от империи, планового хозяйства и тоталитарной системы к демократии и рыночной экономике. Если бы Евросоюз на собственной шкуре испытал такую экономическую катастрофу, какую испытала Россия в 1990-х, то и в его демократической системе произошли бы сбои.

Россия всего 20 лет живет без коммунизма. Демократия должна здесь прижиться. Через 20 лет после поражения Германии во Второй мировой войне в ФРГ тоже еще не сформировалось настоящее гражданское общество. «Дело Шпигеля» продемонстрировало посягательство государства на свободу печати; на вершине власти незбылемо стояла одна партия, правительство пыталось ввести закон о чрезвычайном положении, борясь против студенческих протестов, во время стычек между полицией и демонстрантами были жертвы, вплоть до 1963 года в Бонне власть находилась в руках бессменного канцлера, а Баварией бессменно управляет Христианско-социальный союз (ХСС).

Самым ярким примером политики двойных стандартов стал конфликт из-за Косово. Признание Западом независимости Косово Москва осудила как нарушение международного права, которое ставит территориальную целостность государства выше права народа на самоопределение. Почему Косово получило право на самостоятельность, а стремящиеся к независимости республики Грузии — Абхазия и Южная Осетия — нет?

Разумеется, Россия тоже использует двойные стандарты, особенно по отношению к своим слабым соседям. С одной стороны, за махинации в процессе приватизации в 1990-е годы Кремль наказал Михаила Ходорковского, с другой — оставил безнаказанными других олигархов, действовавших по тому же принципу. Россия провозглашает ценности и убеждения, которые зачастую носят лишь декларативный характер. И, естественно, Россия действует сугубо в собственных интересах.

Еще одной проблемой, разделяющей Россию и Запад, является разное прочтение европейской истории. Историк Ричард Пайпс выдвинул аргумент: авторитарным мышлением Россия обязана длительному влиянию татаро-монгольского ига, что и выработало у нее иммунитет против западной демократии. Три дня продолжалась дискуссия, еще раз показавшая, насколько эмоционально переживалась Россией история XX столетия. Она должна была вызывать гордость и быть одним из формирующих факторов новой идентичности россиян в XXI веке.

Все же очевидно, что историю можно использовать в качестве оружия. Некоторые постсоветские республики не упускали случая выставить себя в трагической роли жертвы и, играя на жалости, получить от Запада признание и гарантии защиты. Русские чувствовали, что некоторые европейские государства хотят присвоить себе их победу над гитлеровской Германией во Второй мировой войне. Как известно, благодаря достигнутым успехам СССР стал второй сверхдержавой, имеющей постоянное место в Совете Безопасности.

сти ООН. Россия до сих пор отождествляет себя с этим советским наследием. Большинство россиян уверены, что СССР победил Гитлера без поддержки союзников. Эта победа, по мнению социолога Льва Гудкова, «навечно» узаконила советскую власть. Во времена перестройки милитаристский пафос исчез, Россия стала рассчитывать на интеграцию с Западом. После тяжелых 1990-х в массовом сознании возродилось стремление к восстановлению потерянной империи. При этом каждый реально мыслящий русский должен бы отдавать себе отчет в том, что, кроме победы во Второй мировой войне и полета Юрия Гагарина в космос, Россия вряд ли может записать что-либо еще в перечень достижений страны в XX столетии.

Почему Россия не просит прощения за 45-летнюю оккупацию Восточной Европы и не признает, что потерпела поражение в холодной войне, как нацистская Германия во Второй мировой? Не звучит из уст российских лидеров и признание вины в насильственном внедрении коммунистического режима в государствах Варшавского договора, так как это может повлечь за собой требования компенсации и, в конце концов, привести к отождествлению национал-социализма с коммунизмом, что, в свою очередь, умалит значение победы России во Второй мировой войне. Между тем Ленин и Октябрьская революция забыты, и Россия уже считает себя жертвой досадного коммунистического эксперимента в истории человечества.

С другой стороны (и это не может не беспокоить), Россия не покончила со сталинизмом. До сегодняшнего дня для половины россиян Сталин — позитивная фигура в российской истории. О его заслугах ведутся бесконечные дискуссии, зато о жертвах советского ГУЛАГа, кроме организаций по защите прав человека, никто не заикается. То, что Сталин подверг репрессиям и приказал уничтожить в массовом порядке сначала старую интеллигенцию, дворянство, духовенство, зажиточных крестьян, а после них и новую советскую элиту, лучших военных и ученых, и даже вернувшихся живыми военнопленных, было стерто из памяти. Ведь Сталину удалось всего за 30 лет из отсталой аграрной страны, пахавшей с плугом, создать сверхдержаву с ядерным оружием.

Скорее всего не самой личностью Сталина так очарованы русские, а мифом о всеилии этого тирана. Только незначительная часть россиян сегодня готова к покаянию и национальному примирению. Основная же масса отклоняет саму мысль активного переосмысления прошлого по примеру послевоенной Германии.

Немецкий историк Кристиан Майер может согласиться с таким отношением. В человеческой истории не память, а забвение часто становилось лучшим лекарством. Так было и в Испании после диктатуры Франко. Переосмысление прошлого вызывало чувство мести, вновь порождающее месть. Майер считает, что одновременно с заключением мира необходимо «прописать» забвение и прощение. Германия после 1945 года выбрала, хоть и не без труда, путь искупления и незабвения гитлеровских преступлений. Возможно, требовать от России активного вспоминания прошлого после того, как она совсем недавно освободилась от тоталитаризма, — это слишком много. Несмотря на это,

правозащитный центр «Мемориал» призывает Кремль как можно скорее воздвигнуть памятник миллионам жертв сталинского террора. Такой жест мог бы вызвать уважение за границей. Медведев выразил обеспокоенность по поводу того, что 90 % российской молодежи не могут назвать ни одного имени из тех мужественных людей, которые в советские времена восставали против репрессий.

По мнению журналиста Андрея Золотова, российское общество все еще находится в состоянии «холодной гражданской войны». Трудно найти консенсус в вопросе обращения с тяжелым наследием прошлого. Сотням тысяч потомков жертв сталинизма противостоит такое же число людей, чьи предки во времена Сталина исполняли роль палачей. Так же тяжело дается преодоление прошлого Путину и Медведеву. Оба принадлежат к так называемой «красной аристократии»: дед Путина работал в аппарате Сталина, а дед Медведева, будучи партийным активистом, участвовал в насильственной коллективизации крестьян.

«Мастерская будущего» — постоянно действующая рабочая группа российско-немецкого дискуссионного форума «Петербургский диалог». В течение нескольких лет сменяющие друг друга участники поочередно встречаются в каком-нибудь интересном месте — в одной из немецких земель или удаленной российской провинции. Эти мероприятия, как и многие другие гражданско-общественные форумы в Германии, служат укреплению взаимопонимания между народами. Там знакомятся представители передовой молодежи обеих стран, ведутся горячие дискуссии о будущем Европы. Те, кто завтра возьмет на себя ответственность за будущее, сейчас лучше узнают друг друга, чтобы через 20–30 лет уметь избегать конфликтов. Хочется надеяться, что к тому времени последние стереотипы исчезнут на свалке истории. Незабываемые конференции — короткими летними ночами в Новосибирске, на романтических водопадах Алтая, во время водных экскурсий в Гамбурге, на границе между Россией и ЕС — в Пскове и его окрестностях, на Балтийском побережье в Калининграде, на Рождественском рынке в Дрездене или в «свободном треугольнике» Германия–Польша–Чехия — показывают молодым людям разные перспективы создания общего дома — Европы. На горячие дискуссии также приглашаются гости из Украины, стран Балтии и Польши.

Доминирующей темой этих дебатов стало «разоружение истории». Россия считается страной с непредсказуемым прошлым. Ее история переписывалась на усмотрение очередного властителя. Таким образом закладывались мины, которые могут взорваться в будущем. Немецкие коллеги пригласили представителей российской передовой молодежи на совещание в Оберзальцберге в Баварии, где Адольф Гитлер планировал нападение на Советский Союз. Участники совместно посетили музейный комплекс Третьего рейха и во время долгих прогулок по лесу дискутировали о том, способна ли Россия на подобное переосмысление истории. К примеру, можно было бы переоборудовать одну из сталинских дач под Москвой в музей ужасов сталинизма.

Молодые россияне предостерегали западных коллег от навязывания России политики десталинизации — страна должна сама освободиться от «менталитета раба». Ответ немцев: Россия, не отрешаясь от сталинизма, никоим образом не может стать частью будущей Европы. Во всяком случае в России стала возможной открытая дискуссия на острые исторические темы. А значит, был предложен путь, по которому Россия должна войти в объединенную Европу подобно Западной Германии в 1945 году и Восточной Европе в 1989-м, ставшими частями общей Европы.

Россия сегодня находится на очень сложном этапе. Либеральные круги на Западе и в России убеждены, что церковь — институт XVIII или XIX века, и она должна стоять в стороне от происходящих в обществе процессов. Возможно, это утверждение справедливо для западной культуры, но в России это не так. После 80 лет коммунизма Россия ищет свои корни в дореволюционной империи, в русских традициях, в том числе в христианстве. Религиозность была утрачена в коммунистической России, и вернуться к прежним традициям очень важно. Без возрождения религии и Православной церкви в том числе, стране сложно было бы найти свой путь. Институт церкви в России играет значительно более важную роль, чем в западных обществах. Современную Россию невозможно представить без Церкви, и это несмотря на трудности, с которыми сталкивается православие на пути своего возрождения.

Сегодня наш мир меняется на глазах. Многие считают, что религия уже отжила свое, что мир переходит в постхристианскую эру, где церковь только мешает развитию будущего человечества. И в этой ситуации Россия становится оплотом абсолютно другой точки зрения, напоминая о том, как важно все-таки не забывать связи времен, всего развития человечества. Мир

настолько быстро и динамично развивается, что возникает очень много тенденций и вопросов, на которые церковь не может однозначно ответить. Существуют проблемы, которые возникают в определенное время и быстро исчезают. В то же время есть вопросы, которые действительно определяют будущее развитие человечества. Ответ на них требует основательного размышления. церковь не должна вмешиваться в ежедневную политику, не должна становиться одним из игроков на политическом поле, но в России, я думаю, этого и не произойдет. Приходится наблюдать и обратный процесс, когда политики начинают появляться в церкви, чтобы заслужить поддержку электората. Кстати, на Западе политтехнологи тоже пользуются такими приемами. Ведь если политик признается, что стал верующим и воцерковленным, это хорошо? Главное, чтобы вера не превращалась в политтехнологический прием для телекамер.

Российское общество было достаточно покалечено во времена Сталина, при Брежнев в стране царил цинизм, и кто если не церковь будет проповедовать нравственные ценности в безнравственном XXI веке? Сегодня на Западе многие улыбаются, когда в Россию приезжает пояс Богородицы, его встречает Владимир Путин и множество людей приходит помолиться перед святыней. Пусть улыбаются. Ведь на наших глазах возрождаются традиции Византийской империи, которая тысячу лет была хранительницей православия. Где еще в мире можно увидеть что-то подобное? В любых переменах внутри Церкви православие всегда руководствуется уважением к преданию, к традиции. Православная церковь не должна терять связи с прошлым, как это сделали в свое время протестанты. Главный вызов нашего века — устремленность в будущее, которая заставляет немедленно забыть все, что было в прошлом.